

Чэн Фэнтай давно слышал о Шан Сижуре.

Шан Сижуй, глава труппы «Терем Водных Облаков», был одним из величайших актёров своего времени, мастерски исполнявший женские роли как в амплуа хуадань, так и циньи. Его поклонники, любители оперы, были многочисленны, как звёзды на небе, и если бы выстроились в ряд, то обогнули бы Бэйпин двести раз. Именно они вознесли Шан Сижую на вершину славы, превратив его в холодный лунный свет, сияющий высоко в небесах, недоступный и завораживающий.

Если бы кто-то спросил, действительно ли Шан Сижуй пел так хорошо, жители Бэйпина непременно упомянули бы Нин Цзюлана, министра театрального мира, удостоенного титула самой вдовствующей императрицей Цыси. Когда Шан Сижуй впервые прибыл в Бэйпин с труппой «Терем Водных Облаков», всего за три представления он стал знаменитостью. Нин Цзюлан, услышав его выступление в спектакле «Космический меч», глубоко вздохнул, вернулся в свою труппу, запер сундуки и ушёл со сцены, уступив титул первого исполнителя женских ролей.

Некоторые говорили, что Нин Цзюлан был настолько потрясён голосом Шан Сижую, что признал своё поражение. Как истинный поклонник оперы, он считал, что молодой феникс поёт чище, чем старый, и что мир не может вместить двух красот, поэтому больше не видел смысла выходить на сцену. Другие утверждали, что Нин Цзюлан, проведя более двадцати лет вне дворца, уже накопил достаточно богатства и планировал уйти на покой, просто воспользовавшись успехом Шан Сижую как предлогом. Как бы то ни было, отречение Нин Цзюлана окончательно утвердило славу Шан Сижую. Газеты каждый день пестрели заголовками о его жизни и творчестве, а поклонники толпились у входа в театр, выкрикивая его имя с таким рвением, будто он был президентом. Таким образом, первое впечатление Чэн Фэнтая о Шан Сижуре сложилось как о звезде, чьё слово было законом в театральном мире.

Однако в устах сестры Чэн Фэнтая, Чэн Мэйсинь, Шан Сижуй был не более чем низким и распутным соблазнителем, и поскольку он был мужчиной, то становился в десять раз отвратительнее.

Неудивительно, что Чэн Мэйсинь ненавидела Шан Сижую всей душой. Он однажды отнял у неё мужа. В те времена Чэн Мэйсинь была шестой наложницей командующего Цао, который продвигался на восток, захватывая города и разрушая ворота маршала Чжана. Шан Сижуй, облачённый в роскошный сценический костюм, стоял на городской стене и пел арию из «Прощания с любимой», повторяя одни и те же строки с такой страстью, что казалось, он забыл о существовании пуль. Солдаты смотрели на него с изумлением, на мгновение забыв о стрельбе, и указывали на него, говоря, что он, должно быть, сумасшедший. Да, сумасшедший, но как красиво он безумствовал.

Командующий Цао, стоявший у подножия стены, поднял голову и увидел Шан Сижую, поющего строки: «Войска Хань уже захватили землю, со всех сторон звучат песни Чу». Это звучало как хвала самому командующему Цао, и ему это показалось настолько свежим и впечатляющим, что он мгновенно влюбился. Указав кнутом на Шан Сижую, он приказал:

— Не стреляйте! Я хочу видеть живую Юйцзи!

Поэтому его люди не осмелились стрелять наугад, и им потребовался целый час, чтобы пробить городские ворота.

После взятия города Шан Сижуй, однако, не последовал примеру Юйцзи, не совершил самоубийства перед своим господином. Вместо этого он покорно позволил командующему Цао увезти его, оказавшись прямо перед глазами Чэн Мэйсинь, где он каждую ночь пел и веселился, доводя её до безумия.

К счастью для Чэн Мэйсинь, она в конце концов одержала победу, вытеснив соперницу Шан Сижую и пережив первую жену командующего Цао. Теперь она стала госпожой Цао, но, вспоминая прошлое, она всё ещё не могла избавиться от давней обиды, которая продолжала сводить её с ума.

Чэн Мэйсинь происходила из аристократической семьи Шанхая, но за годы жизни в роли светской львицы и наложницы её язык и мысли стали ядовитыми и вульгарными. Всякий раз, когда она упоминала Шан Сижую за спиной, она отпускала несколько неприятных комментариев и запрещала мужчинам в семье общаться с ним. Однако, кроме мужа, командующего Цао, и брата Чэн Фэнтая, у неё не было других мужчин, которых она могла бы контролировать. Командующий Цао был человеком, которого Чэн Мэйсинь изо всех сил старалась угодить, и она не смела перечесть ему ни в чём. Поэтому все её запреты обрушились на Чэн Фэнтая.

В тот день после полудня, в просторной и высокой комнате резиденции Чэн в Бэйпине, где в больших вазах из эмали торчали павлиньи перья, а мебель из красного дерева была украшена резьбой, а на стенах висели картины с изображением цветов сливы, орхидей, бамбука и хризантем — всё это было убранством бывшего дворца. Время перевалило за полдень, кто-то курил в комнате, и заходящее солнце, проникая сквозь дым, превращало всё в старую, покрытую пылью картину. Чэн Мэйсинь, опираясь локтем на стол, держала в руке трубку из слоновой кости и строго смотрела на Чэн Фэнтая, поучая его:

— Ты не должен, как мужчины Бэйпина, увлекаться лицедеями. Эти низкие твари, выступающие на сцене, только и делают, что привлекают богатых и влиятельных мужчин. Если ты не будешь вести себя прилично, я с тобой не соглашусь, понял?

Чэн Мэйсинь была сильна в одном: как бы ядовита ни была её душа, её мягкий, мелодичный шанхайский акцент оставался неизменным.

Чэн Фэнтай, засунув руки в карманы театральных брюк, с улыбкой ответил:

— Понял, понял. Что интересного в каком-то мужчине-лицедее?

Казалось, он имел в виду, что именно потому, что это был мужчина, в этом не было ничего

интересного. Если бы это была женщина, возможно, он бы заинтересовался.

Чэн Мэйсинь бросила взгляд на свою невестку, вторая госпожа Чэн, которая, конечно же, обратила на это внимание. Она постучала своей тонкой трубкой по пепельнице, высыпав кучку пепла, и холодно посмотрела на Чэн Фэнтая.

Чэн Мэйсинь поспешила добавить:

— И не только лицедеи, но и танцовщицы, и певицы тоже нельзя. Твоя жена, такая красавица, уже родила тебе двух детей, а ты всё ещё недоволен? Нельзя быть бессердечным!

Она забыла, что мать Чэн Фэнтая, бывшая вторая наложница семьи Чэн, была певицей. К счастью, Чэн Фэнтай не обратил на это внимания, очистил мандарин и с улыбкой протянул его ей:

— Понял! Сестра, ты редко приезжаешь, и половину времени ругаешь лицедеев, а другую половину — брата. Твой характер становится всё больше похож на характер мужа.

Говоря это, он зажёл спичку и поднёс её к трубке второй госпожи. В глазах второй госпожи появилась лёгкая улыбка. Ей нравилось, когда её муж делал такие мелкие, заботливые вещи, как будто он был полностью ей предан. Вторая госпожа затаилась, раздувая огонь в трубке, но при этом сказала:

— Разве я не могу сама позвать служанку? Мужчина, который спешит выполнять служебные обязанности, не знает уважения.

Чэн Мэйсинь, положив дольку мандарина в рот, засмеялась:

— Невестка, ты просто не понимаешь. Брат так проявляет свою любовь к жене.

Вторая госпожа бросила взгляд на Чэн Фэнтая, показывая, что не одобряет его, но улыбка на её лице не исчезла. Чэн Фэнтай продолжал улыбаться, и в конце концов ему стало действительно смешно. Эти две женщины, одна с шанхайским акцентом, другая с северо-восточным говором, перебрасывались фразами, словно играли в комедийном спектакле. В этот момент из соседней комнаты вышла младшая сестра Чача'эр, проснувшаяся после дневного сна. Увидев старшую сестру Чэн Мэйсинь, она замедлила шаг и хотела вернуться обратно. Чэн Фэнтай быстро подозвал её:

— Чача'эр, иди сюда.

Чача'эр неохотно подошла к Чэн Фэнтаю. Она была замкнутой девушкой и с детства не ладила со старшей сестрой, презирая её поведение и образ жизни. Чэн Фэнтай хлопнул по коленям, и Чача'эр устроилась у него на коленях, уткнувшись лицом в его грудь и не глядя на Чэн

Мэйсинь. Чэн Фэнтай, держа её за спину, покачал головой и сказал:

— Сестра пришла, почему ты не поздоровалась? А?

Но в его голосе не было и намёка на упрёк. Чача'эр только хмыкнула, что можно было считать приветствием.

Если бы это было в их старом доме в Шанхае, Чэн Мэйсинь уже бы начала ругаться. Но она хорошо знала характер Чэн Фэнтая. Хотя он любил всех своих сестёр, настоящей любимицей для него была только Чача'эр. Чача'эр, как маленькая кукла, лежала в его объятиях, помогая ему пережить самые мрачные и страшные годы его юности. Она была его маленькой сестрёнкой, и их связывали самые глубокие чувства. Поругать Чэн Фэнтая было одно дело, но задеть Чача'эр — значило ранить его сердце, и он бы рассердился. Теперь, когда времена изменились, Чэн Мэйсинь не хотела ссориться с богатым братом, поэтому она лишь про себя ругала Чача'эр, называя её недостойной девчонкой, похожей на свою дикарку-мать. С улыбкой глядя на этих двух брата и сестру, которые так ласково обнимались, она с презрением подумала: «Одна — дочь певицы, другая — дикарки. Они действительно одного поля ягода».

<http://bllate.org/book/15435/1368543>